

Жиляков Сергей Викторович

кандидат филологических наук
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Старооскольский филиал), г. Старый Оскол
szhil@list.ru

«СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА» КАК МАНИФЕСТ САМОДЕРЖАВИЯ НА РУСИ XII ВЕКА

В статье речь идет о проблеме функционально-жанровой принадлежности «Слова Даниила Заточника», а также рассматривается проблема датировки произведения. Выявлено, что смысловая «непроницаемость» «Слова» связана прежде всего с феноменом текста переходного периода, определяющего мировоззренческий и житейский (биографический) концепт. Показано, что «Слово» – это манифест самодержавия, представляющий «высказанный» стереотип поведения, рушащий границы прежних канонов как в жанровом, так и стилистическом планах, поскольку синтетическое мировоззрение, дискредитирующее привычные ментальные позиции, уже не работает на уровне нормы, оно есть объект пародийной (новой) и в то же время селективно-традиционной поэтики. В связи с этим «Слово» непривычно для любого слушателя, не живущего в ту эпоху, эпоху XII столетия – времени тектонических культурно-исторических сдвигов, когда отмирают старые традиции, а новые только зарождаются. Этот текучий (аморфный) процесс и отражается в феномене «Слова Даниила Заточника», представленного как загадка для современного исследователя.

Ключевые слова: жанр, синтетический жанр, жанровая модальность, жанровая доминанта, «милостник», традиция, риторика, хвалебный жанр, внутренний мир.

Объектом рассмотрения данной статьи является «Слово Даниила Заточника», которое мы будем вслед за Д.С. Лихачевым отождествлять с «Молением Даниила Заточника». Ответ на вопрос о приблизительном времени и месте написания, а также жанровой природе произведения может прояснить функциональную атрибуцию произведения. В литературоведении вопрос об авторстве, социальных основах, датировке «Слова Даниила Заточника» изучался много раз. В.М. Гуссов полагал, что автор второй редакции «Моления» был в социальном отношении боярином, близким Ярославу Всеволодовичу, навлекшим во время пира перед Липицкой битвой (1216 г.) немилость князя из-за попытки примирения сторон [5]. И.У. Будовниц причислял Даниила к дворянам, стоявшим в оппозиции к боярству и считал, «что Слово Даниила Заточника, возникшее еще в Киевской Руси, является памятником более ранним, чем Моление» [3, с. 157], и было составлено в Суздальской Руси. М.Н. Тихомиров, относя «Слово» ко времени Ярослава Владимировича, княжившего во второй половине XII века в Новгороде, видел в авторе «ремесленника или художника» [15, с. 279].

Д.С. Лихачев в обстоятельной статье изложил на основе подробного стилистического анализа ряд соображений, существенно обогащающих дальнейшие теоретические изыскания. Вот что пишет академик: «Даниил мог принадлежать только к той прослойке города, которая энергично поддерживала сильную княжескую власть. Скорее всего, он был княжеским “милостником”. Именно здесь могли зародиться и общественные взгляды Даниила, и самый стиль его «Моления», вылившийся в скomorошь претворение книжных элементов, – стиль,

стоящий на грани народного и книжного», а потому, продолжает далее Д.С. Лихачев, он сблизился с теми скomorохами, «которые развлекали князя и его приближенных, смешиваясь с толпой тех же княжеских “милостников” при дворе князя» [9, с. 119], поэтому и «“Слово” Даниила Заточника обнаружит замечательное отношение самой литературы к власти правительственной и черту южно-русского характера, юмор, который кроется еще в столь далекой древности и теперь только воздвигается художественно нашим поэтом» [17, с. 212].

Интересен тот факт, что «Слово» (как прецедент «Моления») было хорошо известно всем переписчикам и составителям, на что удивленно указывает Д.С. Лихачев в выше цитированной статье, а также другое обстоятельство – Даниил не вписывается в контекст времени, находясь всегда как бы в пограничном состоянии (маргинал, изгой), на что есть множество намеков в самом произведении: «Азь бо есмь, княже, аки древо при пути: // Мнози бо посѣкають его и на огонь мечють; // Тако и азь всѣм обидимь есмь, // Зане огражень есмь страхом грозы твоеа» [2, с. 272]. Это дало повод думать Б.А. Романову, что Даниил – человек без определенного социального статуса, не прикрепленный ни к одной страте, типичный мизантроп, написавший общественный памфлет: «Бывший слуга князя, или дружинник, притом уже не “отрок”, а “муж”, у которого “отрочество” было за спиной, а “упость”, т. е. молодость, еще не прошла...» [12, с. 18].

Также важны, в свою очередь, наблюдения над текстом М.О. Скрипиля, который считает, что Даниил – поэт и его заставили обратиться к князю не внешние причины (заточение и т. п.), а «внутреннее побуждение, определенный строй идей и чувств».

Кроме того, исследователь полагает, что «Слово» предшествует хронологически другому знаменитому памятнику – «Слову о полку Игореве» и относит датировку его написания «к последним годам жизни Андрея Владимировича Доброго, когда он вновь занял княжение в Переяславле Южном; возникновение второй редакции – к последним годам жизни Ярослава Всеволодовича, в ранней юности княжившего в Переяславле Южном, а с 1213 по 1236 г. – в Переяславле Суздальском» [14, с. 77, 83].

Точке зрения М.О. Скрипиля о локализации «Моления» Переяславлем-Суздальским начала XIII века предшествовала версия В.М. Истрина. Исследования крупнейшего ученого-слависта ценны тем, что он не только находит конкретное местонахождение автора, связанное с Переяславлем-Суздальским, но и замечает в произведении один из центральных библейских мотивов – тему блудного сына, который «провинился перед ними [родителями. – С. Ж.], и они его прогнали, вследствие чего он попал в положение блудного сына» [7, с. 277], ему вторит в обнаружении сюжета-архетипа Э.А. Радь [11]. Вероятно, это провоцирует и притчевые жанровые аллюзии в «Слове». Также ученый справедливо замечает, что произведение Даниила функционально относится к «рекомендации» своей учености, с которой тот выступает с просьбой взять его на службу, это своего рода, если переходить на современные лингвистические реалии, резюме, направленное работодателю, в котором большое место отведено языковой компетенции автора (коммуникабельности), начитанности и житейской мудрости, свойственных автору как типу «древнерусского книжника». Однако при всей сосредоточенности на образе автора у В.М. Истрина мы не встретим утверждения о социальном положении Даниила, кроме того, что он сын «зажиточных родителей» и что с ним произошли неприятные жизненные перипетии, вследствие чего он оказался в известном незавидном положении.

Из последних публикаций по теме наибольший интерес представляет работа А.И. Гончарова [4]. Автору удалось на основе трансформации интертекстуальных библейских заимствований в произведении показать юродство Даниила Заточника и ввиду этого – принадлежность «Слова», написанного не позднее начала XIII века, к религиозной публицистике. Однако нельзя признать, что Даниил чужд скоморошеству. Если следовать логике А.И. Гончарова, то скоморошество как явление конституирует антимир, противопоставляет себя «миру сытости, довольства» – в тексте как раз это и показано: «Но егда веселишися многими брашны – // А мене помяни, сух хлѣбъ ядуща; // Или пиши сладкое питие – // А мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрена; // Егда лежиши на мягкыхх постелях под соболями одѣялы – // А мене помяни, под единым платом лежаща и зимою уми-

рающа, // И каплями дождевыми, аки стрѣлами, сердце пронизающе...» [2, с. 274]. Следовательно, «Слово» стилизует скоморошескую речь. При этом сама концепция юродства может многое объяснять, например синкретический стиль, амбивалентное мировоззрение. И в данном случае автор предлагает новый взгляд на старую проблему.

В работе О.А. Туминской, следующей концептуально идее юродства А.И. Гончарова, автор признает стиховую (шире – рифмо-ритмическую) организацию речи Даниила, особенно в случае с эпизодом, обозначающим географические координаты, – «Кому Боголюбово...», считая это намеком со стороны автора «Слова» на генезис юродства в Северо-Восточной Руси, в районе «треугольника»: Боголюбово, Лач-озеро, Бело-озеро, Новгород [16]. Юродство, рассматриваемое в контексте всего православного движения, расширяет спектр взаимодействия темы авторства «Слова» и художественной экспликации стиля в искусстве Древней Руси, заставляя по-новому увидеть историю культуры русского Средневековья.

Все вышеперечисленные публикации так или иначе высвечивают проблему древнерусского памятника и могут быть учтены и приняты в качестве методологического средства к нашему исследованию, цель которого – показать на основе анализа, что «Слово Даниила Заточника», представляющее синтетический жанр вследствие «переходности» мировоззрения, принадлежит эпохе князя Андрея Боголюбского и выражает идеи самодержавного правления на Руси.

Пойдя по пути Д.С. Лихачева, который представляется нам наиболее верным с точки зрения обобщения и единства природы двух произведений – «Слова» и «Моления», расширим его контекст. Характерной особенностью и ввиду этого оригинальностью проявления творческого потенциала является наличие в рамках одной жанровой номинации «Слова» целого жанрового компендиума. Так, основным, несмотря на риторичность и торжественность заявленного в заглавии жанра (Слово), является жанровая модальность – просьба, выливающаяся в отдельный жанр послания с установкой на определенного адресата (князя). Функция послания усиливается эмоционально окрашенными вопрошаниями – мольбой, сродни порой ритуальным инвокациям божества (*Господине, княже мой*). Притча с подчеркнута бытовыми деталями (о злой жене), идиоматический стиль, метафоричность, каламбурство, юмор, поучительство – также вносят значительную лепту в жанровую конституцию произведения, которая может быть определена как жанровый синтез. Именно в таком органическом целом слиты воедино и просьба, и жалоба, и назидание, и похвальба. В произведении даже присутствует диатриба – разговор с воображаемым собеседником. Все проникнуто единой функцией служения как

«вручения себя» – экзистенциальной установкой на бескорыстное самопожертвование себя [10] князю не ради корысти, а с целью обретения и поддержки сильной и мудрой княжеской власти. Жанровый синтез дает возможность в «Слове» высказаться о наболевшем, злободневном, восхвалить адресата и выразить просьбу об устройстве на службу. Некоторые исследователи видят в произведении «гимн... холопскому состоянию» [6, с. 82]. Данное суждение сужает понимание произведения.

Силен в «Слове» и исповедальный жанровый пафос, начиненный биографическими мотивировками, что позволяет искать их применение к реальному герою произведения. Хотя сам автор намекает в зачине на неоднозначность и завуалированность своего текста: «Въструбимъ, яко во златокованья трубы, в разумъ ума своего // И начнемъ бити в сребренья органы возвития мудрости своеа. // Встани, слава моя, встани въ псалтыри и в гуслех! // Востану рано, исповѣмъ ти ся; // Да разверзу въ притчах гадания моя // И провѣщаю въ язѣцѣх славу мою. // Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотою и мудростию» [2, с. 268]. Аллюзия на притчи Соломона и стиль «плетения словес», который уже использовался, например, Кириллом Туровским, говорят о поэтическом словословии как желании автора высказаться о том, что наболело. Итак, бывший поэт, о чем автор о себе говорит в виде тирады-формулы: «Бысть языкъ мой – трость книжника-скорописца, // И увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость. // Сего ради покушася написати всякъ съзъз сердца моего // И разбих злѣ, аки древняя – младенца о камень» [2, с. 268] по каким-то причинам оказывается на дне общества. Причем он употребляет формулы, присущие людям, которые занимались сочинительством: так очевидны интертекстуальные заимствования из «Слова о полку Игореве», перефразирующие метафорическую формулу поэтического восторга. В «Слове о полку Игореве» встречаем: «Боянь бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы... О Бояне, соловию старого времени! А бы ты сиа плѣкы ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени...» [2, с. 254]. В «Слове Даниила Заточника» читаем: «Унь възрасть имѣю, а старь смыслъ во мнѣ. Бых мыслию паря, аки орель по воздуху» [2, с. 276]. Вот эта патетическая жанровая модальность роднит обе жанровые номинации «Слова», да еще, возможно, и время написания обоих произведений, которое понимало жанр «Слова» как публицистически ориентированную речь, облеченную в торжественную форму, разнообразную (синтетическую) по своему содержательному контенту.

В «Слове» время от времени композиционно преобладает молитвенно-просительный темати-

ческий мотив (это подтверждается наличием повторов, включая анафорические), который обращен к сакральному образу князя с помощью более десятка раз повторяющегося обращения: княже, господине. Кстати, последнее обращение метонимически заменяет князя на бога. В «Слове» встречается сравнение князя с богом: «Но видих, господине, твое добросердие к собѣ // И притекох къ обычной твоей любви. // Глаголетъ бо въ Писании: // Просящему у тебе дай, толкущему отверзи, // Да не лишень будещи царствия небеснаго. // Писано бо есть: // Возверзи на Господа печаль свою, // И той тя препитаеъ въ вѣки» [2, с. 268, 270]. Метафора живительной силы, источник жизни находится, по мнению автора, в князе: «Весна украшаетъ цвѣты землю, // А ты оживлявши вся челоуѣкы милостию своею...»; «Зане князь щедръ – аки рѣка, текуща без бреговъ сквози дубравы, // Напаяюще не токмо челоуѣки, но и звѣри...» [2, с. 272, 276].

В контексте вегетативной семантики и морфологии, потестарной мощи заступника и подателя мог восприниматься, бесспорно, только сильный самодержавный князь: «А дубъ крѣпится множеством кореня; тако и градъ нашъ – твоею дрѣжавою». Он «многими людьми честень и славень по всѣмъ странам» [2, с. 276]. Намек на князя-самодержавца проступает еще отчетливее в сравнении его с царем; например, в приеме смыслового параллелизма замечаем: «Якоже бо похвалися Езекий царь посломъ царя Вавилонского...» [2, с. 274]. Для Даниила не существует разницы между царем и князем: «Не имѣй собѣ двора близъ царева двора // И не дрѣжи села близъ княжа села...» [2, с. 276].

В тексте Троицкой редакции «Жития Леонтия Ростовского», в инкорпорированном в него «В тот же день слово о внесении телесе святого отца нашего Леонтия, великаго епископа ростовскаго, в новую церковь и о мужи, исцѣлѣвшем у гроба великаго Леонтия» встречается величание Андрея Боголюбского благочестивым господином и царем, и князем нашим [13, с. 252]. Г.В. Семенченко относит время составления текста к 1230–1231 гг., но тематически оно ретроспективно соотносится с возникновением легенды об обретении мощей святого Леонтия с 1160-ми годами, когда потребовалось идеологическое обоснование церковной автономности Ростова от Киева, спровоцированное самовластной политической князя Боголюбского, чья царская титулатура может быть отождествлена с адресатом «Слова».

Боголюбово как резиденция князя Владимиро-Суздальской Руси Андрея обрело известность своим «качеством духовной жизни» после 1158 года как место, куда стекались «милостники». Вот что пишет современный исследователь: «Рука Андрея не была «согбенной» на «подавание убогих», и очень многие из сырых и обездоленных кормились от его щедрот. Но при этом богатства князя – в полном соответствии со словами Даниила Заточника – не

убывали, но лишь приумножались». Между тем, именно к концу его, князя Андрея Боголюбского, правления «в Суздальской земле росло не только число больных и нищих, но и число “затворов” и “затворников”, иначе говоря, тюрем и сидельцев» [8, с. 132]. Говоря «мы», Даниил выступает от лица целого класса маргиналов, которых жизнь выдворила на обочину социальной жизни. В этом случае ничего не остается человеку, как уповать на защиту правителей. Поэтому Заточник сетует на свою злую судьбу: «Азь бо есмь, княже, аки древо при пути: // Мнозии бо посѣкають его и на огонь мечють; // Тако и азъ всѣм обидимъ есмь, // Зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа» [2, с. 272].

Всякий переходный историко-культурный период вызывает сдвиг социальных образований, выдворяя за пределы бывшей системы целые слои общества; такая ситуация особенно свойственна для времени феодальной раздробленности, когда складывались все предпосылки для обнищания и разорения в череде бесконечных и непрекращающихся военных столкновений, в условиях которых к сильным князьям стекалось множество народа, как, предположительно, во Владимир и Боголюбово, о чем пишет Даниил в «Слове» и «Молении»: «Зане князь щедръ отецъ есть слугамъ мнозии бо оставляют отца и матеръ, к нему прибегают» [2, с. 276].

В «Слове» в пользу Андрея Боголюбского говорит и, как нам кажется, фрагмент, связанный с локальными координатами, видимо очерчивающими географию личной жизни Даниила: «Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; // Кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣй смолы; // Кому Лаче озеро, а мнѣ, на нем сѣдя, плачь горкий; // И кому ти есть Новьгород, а мнѣ и углы опадали, // Зане не проценте часть моя» [2, с. 270]. Эпизод напоминает по форме рифмованную прозу с отчетливыми выразительными акцентуаторами – анафорами, синтаксическими параллельными конструкциями, созданными по типу стихотворных строк, разграничивающихся цензурированными полустрочиями. Все это представляет синтез устного скороговорения с поэтизацией как формой выразительности, за которой просматривается мастерство одновременно и риторическое, и поэтическое. Как сам Даниил – человек границы мира серьезного и шуточного, благополучного и нищеты, так и его творение, синтетическое по сути, вбирает и устную, и письменную речь, сходную с римской сатурой, менипповой сатирой, отражающими живые диалоги на все случаи жизни, которые могли составлять весьма эрудированные люди, находящиеся словно в измененном состоянии сознания, как при исступлении и ритуальном посвящении. И в этом смысле «Слово» – произведение симптоматичное для времени становления новой государственности взамен старой Киевской Руси, для которого (для «Слова») типично написание загадками, парафразами, па-

раболами, избыточными в тексте. Вся фактура текста – слово, дискредитированное в самом себе, представляющее поэтику синтеза и противоречий, поэтику, которой свойственна фольклоризация языка, одновременно архаизирующая и модернизирующая словесность, находящаяся в причудливом единстве напряжения устного и письменного слова – слова загадки (к этому нас подготавливает метафорический, притчевый язык). Вероятно, в «Слове» проступают те типологические черты в истории поэтики, связанные с ее стадийным развитием, которому присуща диалектическая сменяемость фаз. В данном случае «Слово» может принадлежать парадигме сменяемости/переходности от Киевской литературы к Владимиро-Суздальской (или, в привычной периодизации: от домонгольской к литературе монгольского нашествия); типичная трансформация встречается, например, в переходном периоде от античной литературы к ранневизантийской поэтике [1, с. 134–155].

Анализ «Слова» и сопутствующих ему контекстов позволяет выяснить, что оно связано со временем правления Андрея Боголюбского, вокруг которого собирались люди, попавшие в нужду и рассчитывающие на его поддержку. В «Слове» содержится жанровое решение манифестации самодержавной княжеской власти. Вследствие этого «Слово», как любое риторическое послание, полижанрово (синтетично) и полиинтенционально. Кроме возвеличивания и апологезы княжеского самодержавия, которое утверждается иногда по контрасту за счет самоуничижения и критического отношения к боярству, второй, весьма значимой задачей «Слова» автора является привлечение внимания к авторским способностям (автобиографизм) с помощью демонстрации нарочитой мудрости и начитанности, что, в свою очередь, может быть сделано с целью поступить на службу, характеризуемой как жертвенное вручения себя без остатка. Такое самоотречение характерно для пассионарных личностей времени начала становления централизованного государства, предпосылки которого приходятся на конец XII века, время зарождения Северо-Восточной Руси с центром во Владимире. Стилистический и жанровый синкретизм, характерный для литературы переходных периодов, дискредитирует с небольшой долей пародийности жанровую канву «Слова», делает его непохожим на все, что было в жанровой традиции до него, вместе с тем вытраивая новые взаимоотношения автора и реципиента, автора и адресата, создавая новую мировоззренческую интенцию, принципиально относящуюся к самоотреченному служению. Таким образом, «Слово Даниила Заточника» – это своего рода резюме интеллектуала (писца либо поэта), специально стилизуемое под юродство не без примеси скоморошества, на соискание вакансии на службу, высвечивающее себя в выгодных условиях, позволяющих автору пройти

обряд инициации на княжескую лояльность и профессиональную пригодность, по этой причине облеченное в форму политического манифеста княжеского самодержавия XII века.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 480 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 4: (XII век). – СПб.: Наука, 1997. – 687 с.
3. *Будовниц И.У.* Памятник ранней дворянской публицистики // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1951. – Т. 8. – С. 138–157.
4. *Гончаров А.И.* Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. – 2004. – № 1. – С. 92–102.
5. *Гуссов В.М.* Историческая основа Моления Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1949. – Т. 7. – С. 410–418.
6. *Данилевский И.Н.* Восприятие свободы/несвободы в домонгольской Руси // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2013. – № 15 (158). – Вып. 27. – С. 78–83.
7. *Истрин В.М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.): учеб. пособие для студ. филол. специальностей вузов / под ред. О.В. Никитина. – М.: Академия, 2003. – 384 с.
8. *Карпов А.Ю.* Андрей Боголюбский. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 462 с.
9. *Лихачев Д.С.* Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1954. – Т. 10. – С. 106–119.
10. *Лотман Ю.М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: Александра, 1993. – Т. 3. – С. 345–355.
11. *Радь Э.А.* Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. – 2011. – № 2. – С. 94–98.
12. *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. – М.; Л.: Наука, 1966. – 240 с.
13. *Семенченко Г.В.* Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1989. – Т. 42. – С. 241–254.
14. *Скрипиль М.О.* «Слово Даниила Заточника» // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1955. – Т. 11. – С. 72–95.
15. *Тихомиров М.Н.* «Написание» Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1954. – Т. 10. – С. 269–279.
16. *Туминская О.А.* Энтелехия юродства в русской культуре Средневековья // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2011. – Т. 2. – № 4. – С. 220–228.
17. *Шевырев С.П.* История русской словесности, преимущественно древней // Шевырев С.П. Об отечественной словесности / сост., вступ. ст.,

коммент. В.М. Марковича. – М.: Высшая школа, 2004. – С. 204–224.

References

1. *Averincev S.S.* Poetika rannevizantijskoj literatury. – SPb.: Azbuka-klassika, 2004. – 480 s.
2. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi.* – T. 4: (XII vek). – SPb.: Nauka, 1997. – 687 s.
3. *Budovnic I.U.* Pamyatnik rannej dvoryanskoj publicistiki // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – 1951. – T. 8. – S. 138–157.
4. *Goncharov A.I.* Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. ZHurnalistika. – 2004. – № 1. – S. 92–102.
5. *Gussov V.M.* Istoricheskaya osnova Moleniya Daniila Zatochnika // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – 1949. – T. 7. – S. 410–418.
6. *Danilevskij I.N.* Vospriyatie svobody/nesvobody v domongol'skoj Rusi // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 15 (158). – Vyp. 27. – S. 78–83.
7. *Istrin V.M.* Ocherk istorii drevnerusskoj literatury domoskovskogo perioda (XI–XIII vv.): ucheb. posobie dlya stud. filol. special'nostej vuzov / pod red. O.V. Nikitina. – M.: Akademiya, 2003. – 384 s.
8. *Karpov A.YU.* Andrej Bogolyubskij. – M.: Molodaya gvardiya, 2014. – 462 s.
9. *Lihachev D.S.* Social'nye osnovy stilya «Moleniya» Daniila Zatochnika // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – 1954. – T. 10. – S. 106–119.
10. *Lotman YU.M.* «Dogovor» i «vruchenie sebya» kak arhetipicheskie modeli kul'tury // Lotman YU.M. Izbrannye stat'i: v 3 t. – Tallin: Aleksandra, 1993. – T. 3. – S. 345–355.
11. *Rad' E.A.* Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. ZHurnalistika. – 2011. – № 2. – S. 94–98.
12. *Romanov B.A.* Lyudi i nrawy Drevnej Rusi: Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv. – M.; L.: Nauka, 1966. – 240 s.
13. *Semenchenko G.V.* Drevnejshie redakcii zhitiya Leontiya Rostovskogo // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – 1989. – T. 42. – S. 241–254.
14. *Skripil' M.O.* «Slovo Daniila Zatochnika» // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – 1955. – T. 11. – S. 72–95.
15. *Tihomirov M.N.* «Napisanie» Daniila Zatochnika // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – 1954. – T. 10. – S. 269–279.
16. *Tuminskaya O.A.* Entelekhiya yurodstva v russkoj kul'ture Srednevekov'ya // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. – 2011. – T. 2. – № 4. – S. 220–228.
17. *Shevyrev S.P.* Istoriya russkoj slovesnosti, preimushchestvenno drevnej // Shevyrev S.P. Ob otechestvennoj slovesnosti / sost., vstup. st., komment. V.M. Markovicha. – M.: Vysshaya shkola, 2004. – S. 204–224.